

СВИДАНИЕ В БИРЖАХ И ПЕРВЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ О ПОЛЬСКО-РУССКОМ СОЮЗЕ *

В. Королук

Сражение под Нарвой — не только тяжёлое военное поражение русской армии: ещё более тяжёлыми для России оказались его политические последствия. Почти полная международная изоляция — таков внешний фон, на котором происходило первое крупное столкновение русской армии с победоносными полками Карла XII. Если мы учтём, что ещё до Нарвы, после выхода из войны Дании, в Северном союзе открылась зияющая брешь, если ещё тогда заколебался и предпринимал упорные шаги к достижению сепаратного мира со шведами второй русский союзник — Август II, король польский и курфюрст саксонский, — то станет совершенно очевидным, какие колоссальные трудности необходимо было преодолеть русской дипломатии, чтобы сохранить Северный союз и предотвратить капитуляцию Августа II. А сохранить этот союз, заставить шведов померяться оружием с саксонцем, выиграть время для того, чтобы подготовиться ко второй встрече со шведами, было совершенно необходимо, если Россия не хотела окончательно отказаться от идеи добиться выхода к Балтийскому морю. Кроме того русским дипломатам приходилось считаться с тем, что новых союзников в условиях поражения привлечь не удастся. Вопрос о вступлении в войну против шведов друсливой и жадной Пруссии, склонить которую к вступлению в союз пыталась в 1700 г. петровская дипломатия, окончательно снимался с повестки дня. Наконец, не было никаких реальных шансов на то, что русскому правительству удастся использовать противоречия, разделявшие западные державы на два враждебных блока. И Австрия, и морские державы — Голландия и Англия, — и Франция стремились только к тому, чтобы помирить Августа II с Карлом XII и использовать их войска в проектируемой войне за испанское наследство. Ни Франция, ни её противники не были склонны поддерживать справедливые территориальные требования России. Таким образом, не было другого выхода, кроме войны, и меч должен был решить вековой спор из-за Прибалтики.

В русской исторической литературе достаточно подробно исследован вопрос о том, как петровское правительство преодолевало военные последствия поражения под Нарвой. Гораздо меньше внимания уделялось до сих пор вопросу о том, каким образом петровской дипломатии удалось преодолеть те тяжёлые условия международного политического кризиса, в которых оказалась Россия после поражения под Нарвой. Вопросу об этих усилиях русских дипломатов и о первых признаках наметившегося перелома в международном положении страны и посвящена настоящая статья

* Статья является главой из подготавливаемой автором к печати работы «Избрание Августа II на польский престол и вступление Речи Посполитой в Северную войну 1697—1704 гг. (Из истории польско-русских отношений)». В основу работы положено исследование архивных материалов из фондов бывшего Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД), хранящихся ныне в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА).

I

Основными вопросами состоявшегося в феврале 1701 г. в Биржах свидания союзных монархов явились вопросы об укреплении уже существовавшего русско-саксонского союзного договора и о достижении соглашения с Речью Посполитой об условиях вступления её в войну против шведов.

Но, прежде чем касаться обстоятельств этого знаменитого в истории Северной войны свидания, необходимо уяснить себе условия польско-русского сотрудничества, которые обсуждались русскими дипломатами в конце 1700 г. в Москве. Дело в том, что в ответ на настоятельные просьбы Августа II прислать русского уполномоченного для ведения с поляками переговоров о союзе, русское правительство наметило послать в Польшу Василия Посникова.

Подлинник составленной с этой целью для Посникова инструкции, к сожалению, не дошёл до нас, и это в значительной степени осложняет изучение начального периода этого в высшей степени любопытного посольства. Тем не менее известное представление о настроениях, которые существовали по этому вопросу среди русской дипломатии, мы можем составить на основании весьма интересного документа, носящего название «Краткое начертание ко все милостивейшему государю нашему к доношению надлежит, а к настоящему в Польшу посланничеству по последующим статьям всеисполненного повеления требуют, которые б в наказ внесены были»¹. Документ этот представляет собой список вопросов, составленных, быть может, самим Посниковым или же по его просьбе, и написан с целью уточнить данный ранее Посникову наказ.

В первом пункте «Краткого начертания» говорится о необходимости разъяснить наказ в том смысле, чтобы было ясно, должен ли переговоры с поляками вести Посников сам или же совместно с находившимся уже в Польше русскими дипломатическими агентами: Долгоруким, Салтыковым и Судейкиным². Во втором пункте Посников просит уточнить самую церемонию переговоров и очерёдность выступлений посланника перед государственными чинами Республики³. И, наконец, третий пункт содержит тот самый наказ, который был дан Посникову ранее и который содержал русские условия союза. Таким образом, Посников просил о подтверждении этих условий. Документ датирован 12 (23) декабря 1700 года⁴.

Посникову поручалось вступить с сеймом в переговоры о заключении союза с Россией и убедить Речь Посполитую последовать примеру своего короля. На тот случай, если убеждения посланника не подействуют, Посников был уполномочен предложить Речи Посполитой уступить пояс земель вдоль Днепра, от Стаек до Крылова, оставленный пустынным согласно условиям договора 1686 года⁵.

¹ Дела польские. 1701 г. № 12, л. 30 и след.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ «И ежели оной сенат и Речь Посполитая бес какова себе прибытка того дела учинить всеконечно не захотят, и учнут под хотением себе: сенат — подарков, а Речь Посполитая — государственного прибытку требовати будет, а посланник то их желание всеконечно усмотрит — и ему, посланнику, по многим разговорам сенату и Речи Посполитой за обещанную на свейскую корону помощь, буде они, Короны полской и княжества Литовского сенат и Речь Посполитая, всеми своими воинскими силами на тое свейскую корону пойдут и действительную его царскому величеству помощь учинят, и великий государь, его царское величество, за такое того сенату и Речи Посполитой во оное, на свейскую корону воинскую помощь, дело изволяет в награждение и доволствование уступить городов и земель, которые по вечному мирному договору с обоих сторон имеют быть пусты, то есть от местечка Стаек вниз Днепра по реку Тясму, Ржишев, Трехтемиров, Канев, Мошны, Сокаля, Черкасы, Боровица, Бужны, Воронков, Крылов, Чигирин, в вечное Речи Посполитой владение без всякого на тех землях вновь поселения его царское величество уступить изволяет». Там же, лл. 31—35.

В случае особого упорства польского сейма Посников уполномочен был пойти на большие уступки: обещать Речи Посполитой псковские пригороды и согласиться на предоставление полякам права заселения пустынного пояса земель по Днепру.

«И буде сенат и Речь Посполитая, — говорилось в пункте третьем, — теми вышеупомянутыми землями за оную уступку воинскую на свейскую корону помощь не удовлетвуютца, а учнут просить на тех землях поселения, а лиговской Речи Посполитой изо псковских пригородков награждения, которые лежат близ их литовских порубежных городов, и без такой уступки и без того награждения в тое воинскую помощь вступать не похотят и откажут впрямь — и посланнику за делную их на свейскую корону воинскую помощь уступить и поволить на тех землях городские крепости и людям всякое поселение строить, также и литовской Речи Посполитой псковских пригородов в награждение и доволство, то есть (имя рек) уступить же»⁶. К сожалению, пока мы не можем установить названий псковских пригородов, хотя из «Краткого начертания» явствует с полной очевидностью, что авторы его имели в виду исключительно пограничный, прилегающий к Великому княжеству Литовскому район.

Вместе с тем не лишним было бы оговорить сразу же, что обнаруженный нами документ представляет собою проект русских условий союза с Польшей. В том, что дело обстоит именно так, убеждают нас не только указанные выше (первый и второй) пункты этого документа, но и последующие строки, заключающие приведенный нами третий пункт. Здесь вновь идёт речь о деталях предполагаемых переговоров о заключении польско-русского союза, деталях, которые требовали своего разъяснения со стороны московского правительства⁷.

По той, ещё не окончательной форме наказа, которая была отправлена Посникову, мы получаем прекрасную возможность выяснить ту политическую атмосферу, которая царилла при московском дворе на исходе 1700 года. Вопрос о возможности территориальных уступок в пользу Речи Посполитой в обмен за её «действительную» военную помощь был уже решён, и решён в сторону удовлетворения предполагаемых польских претензий. В том случае, если бы Речь Посполитая согласилась на получение пустынного пояса земель, установленного согласно «вечному миру», передача его полякам без права заселения и права возводить там укрепления фактически означала, что положение дел на польско-русской границе не претерпело бы никаких существенных изменений. Россия и впредь сохранила бы за собой право протестовать против всяких попыток польской магнатории возобновить свои колониационные усилия в восточном направлении. В случае же, если бы польский союз пришлось покупать ценой предоставления полякам права заселения и укрепления этой приднепровской полосы и к великому княжеству отошли бы некоторые пограничные районы России, последней пришлось бы пойти на довольно существенные жертвы и расплачиваться частью своей территории за польскую военную помощь. Разумеется, второй вариант был гораздо менее желательным, и Посников должен был приложить все усилия к тому, чтобы отвести от него поля-

⁶ Дела польские. 1701 г. № 12, лл. 31—35. Названия псковских пригородов пропущены в подлиннике.

⁷ Там же, л. 35. «И буде сенат и Речь Посполитая, — говорилось в них, — тем с стороны царского величества награждением удовлетвуютца и на свейскую корону ныне войну начать похотят и тем обнадёжат и на те уступленные города и земли похотят взять писменную крепость, а без такой крепости того дела окончать не похотят, а взаимно во исполнение они в помощи своей истинны обещают дать свою крепость на письме — и тогда что с ними чинить?»

А буде его царского величества соизволение будет, велит в том деле на обе стороны писмами укрепитца, и того б ради из государственного посольского приказу дано было ему, посланнику, образцовое письмо».

ков. Это, однако, не меняет того основного факта, что заявленные в таком виде польские претензии, в конце концов, должны были быть удовлетворены.

Причину такой уступчивости московского правительства нужно искать в той конкретной исторической обстановке, в которой оно очутилось в конце 1700 года. Жизненную необходимость для России польско-саксонской помощи подчёркивает и вышеприведённый дипломатический документ. В нём целью посольства сразу же объявлялось «его царского величества желание», «чтоб они, обоих народов, как Короны польской, так и великого княжства Литовского, весь сенат и Речь Посполитая, в настоящем сем случае на его царского величества неприятеля, на свейское королевство, были помощию и на отвращение б его в удобные места, где случай позовёт, войска свои как конные, так и пешие, послали»⁸. Вместе с тем и шведы рассматривались как русские враги «его царского величества неприятели». Наконец, на русские позиции в этом вопросе не мог не оказать влияния и тот факт, что единственный союзник русских, Август Саксонский, колебался, шёл на перемирие со шведами и даже искал сепаратного с ними соглашения, о чём не могли не знать в Москве, получая и из Варшавы и особенно из Стокгольма угрожающие сигналы о французском посредничестве на Севере.

К сожалению, окончательный текст инструкции, вручённой Посникову перед его отъездом в Польшу, повидимому, не сохранился. Во всяком случае, нам не удалось отыскать его в фондах бывшего Московского главного архива Министерства иностранных дел. Между тем события, происшедшие между 12 (23) декабря 1700 г. и отъездом Посникова в Варшаву 3 (14) февраля 1701 г.⁹ (верючая ему была помечена 26 января (8/II) 1701 г.¹⁰), были таковы, что можно было бы предполагать известное изменение в умонастроении русских политиков. К тому времени выяснилось, что шведское вторжение в Россию уже не грозило в ближайшем будущем. Кроме того сам Август не скрывал своего горячего желания возобновить личный контакт с Петром. Наконец, были несколько укреплены и русские дипломатические позиции благодаря подписанию нового союзного соглашения с Данией, обещавшей, правда, выступить только в случае взрыва войны за испанское наследство. Эта оговорка в значительной степени обесценивала военное значение договора с Данией, поскольку первые сведения об этой войне были получены только во время биржинского свидания¹¹. Вместе с тем нельзя не считать и с тем фактом, что нарвское поражение было всё ещё свежей раной, которая всё время давала себя остро чувствовать и внутри, в связи с кипучей деятельностью петровского правительства, и во внешних сношениях, в связи с серьёзным падением русского политического престижа за границей. При таких условиях говорить, даже только предположительно, о возможных изменениях в первоначальном содержании русских условий союза и, таким образом, восстанавливать окончательную инструкцию Посникову представляется почти совершенно невозможным.

К счастью, это не так существенно, поскольку, прежде чем русскому посланнику в Варшаве удалось встретиться с польскими сенаторами, произошло биржинское свидание, во время которого и завязались первые русско-польские переговоры о союзе и о выступлении Речи Посполитой против шведов. Переговоры эти имеют прежде всего то значение, что в ходе их были окончательно уточнены польские территориальные претензии к России, в то время как приведённый нами документ сви-

⁸ Дела польские. 1701 г. № 12, л. 31.

⁹ Дела польские. 1701 г. № 13, л. I.

¹⁰ Дела польские. № 12, л. 41. Верючая Посникову не вошла в состав «Писем и бумаг императора Петра Великого». Т. I.

¹¹ Сб. Русского Исторического общества. Т. 34, стр. IV.

детельствует о том, что возможность удовлетворения этих претензий была ещё до того предрешена русскими политиками.

II

Основным препятствием при исследовании биржинской встречи, особенно тех моментов, которые связаны с подробностями происходивших во время неё дипломатических переговоров, является полное отсутствие официальных протоколов совещаний между руководителями русской, польской и саксонской политики. Какими же источниками располагаем мы в настоящее время для освещения этого в высшей степени важного момента в истории русско-саксонских и русско-польских отношений в начальный период Северной войны? Помимо текста самого союзного договора, заключённого в Биржах между Петром и Августом, отражающего главным образом результативную часть переговоров, такими источниками являются использованная нами более поздняя официальная дипломатическая переписка петровского правительства, показания одного из участников съезда (польского сенатора, к сожалению, не оставившего нам своего имени) и ряд других документов дипломатической службы.

Несколько слов скажем о том польском и международном фоне, на котором развёртывалось совещание в Биржах. Мрачная тень нарвского поражения плотно легла на Россию, связывая её военную и политическую активность. Россия нуждалась не только в передышке для того, чтобы осуществить начатую ещё до Нарвы военную реформу и коренную реорганизацию русской армии: Пётр не мог не учитывать и того факта, что в результате падения Дании и шведской победы под Нарвой русское государство оказывалось фактически в условиях полной международной изоляции. Август Саксонский являлся теперь его единственным союзником, и удержать его в составе сузившейся до предела антишведской коалиции было прямой политической необходимостью.

Правда, ещё в январе 1701 г. Ф. Головиным и датским посланником П. Гейнсом были подписаны новые «Договорные статьи», подтверждавшие вместе с тем и прежний (1699) союзный русско-датский договор¹². Однако рассчитывать на датскую вооружённую помощь в течение ближайшего времени не приходилось¹³.

Возможность возвращения Дании к войне со шведами прямо ставилась в зависимости от позиции морских держав, шведских союзников. С другой стороны, вооружённая помощь Дании — передача на русскую службу небольшого контингента датских войск — не могла каким бы то ни было существенным образом отразиться на судьбе Северной войны. В статьях русско-датского договора шла речь всего лишь о трёх пехотных и трёх драгунских полках¹⁴. Получив их, Россия выиграла бы дипломатически, приобретя возможность продемонстрировать миру сохранение прежних дружественных и союзных с Данией отношений и сочувствие Дании русскому делу. Этим можно было несколько отвлечь от себя внимание шведов.

¹² «Письма и бумаги...». Т. I, стр. 421. «Статьи» подписаны 12 (23) января 1701 года.

¹³ Там же, стр. 418. В преамбуле «Договорных статей» было указано, «что если Англичане и Голанцы, имеющие союз с королём швейским, в сие воинское дело прямым или посторонним способом, ради помешательства, вмещаются и тако его королевскому величеству Датскому за таким препятием в разрыв мира с короною швейскую, по должности союза учинённого, против 3 статьи вступить явным способом водою и сухим путём, невозможно будет, хотя то конечно по оному союзу и после 6 трехмесячного времени по учинённом о том объявлении королевскому величеству исполнить должно, то б королевское величество его царскому величеству по той 3 и последующих статьях хотя посторонним способом, то есть перепущением означенного числа войск, вспоможение против того общего неприятеля на последующих статьях учинить изволил...».

¹⁴ Там же.

Только в одном случае военное выступление датчан было как будто совершенно обеспечено: «А буде у вышеписанных свейских союзников учинится с королём Французским война, како ныне о Гишпанском деле в ведомостях обносится: то должен да будет его королевское величество Датцкой по обязательству прежде постановленного союза, всё исполнять и с общим неприятелем, королём Свейским, всеми силами войну начать водою и сухим путём, и тако его царскому величеству чрез отвращение вспомогать...»¹⁵.

Ещё менее успешными были русские дипломатические переговоры в Берлине, откуда 10 (21) февраля 1701 г. князь Трубецкой доносил о полном провале своей миссии, о полной невозможности возлагать какие бы то ни было надежды на Пруссию, связанную союзным договором с империей, которая искала шведского союза¹⁶.

При таких условиях Петру ничего не оставалось другого, как ещё теснее сблизиться со своим саксонским союзником и приложить все усилия к тому, чтобы предотвратить его выход из Северной войны.

Между тем и положение саксонца было далеко не лёгким. Отказ Карла XII пойти на мирные переговоры с Августом II принуждал последнего искать возобновления личного контакта с русским царём. Серьёзные опасения вызывали и польские позиции Августа и внутреннее положение в Речи Посполитой. Начало 1701 г. совпало с усилением антисаксонской оппозиции в стране. Уже 2 (13) марта 1701 г., непосредственно вслед за подписанием союзного русско-саксонского трактата в Биржах, русский посланник в Варшаве Судейкин сообщал своему правительству следующие тревожные известия: ходят упорные слухи о подготовке польскими оппозиционерами созыва на весну 1701 г. посполитого рушения с целью изгнания из Речи Посполитой королевских саксонских войск¹⁷. Это грозило уже полным поражением саксонской политики и неизбежным выходом из войны саксонского союзника. Обстоятельство это в полной мере объясняет тот факт, почему наряду с вопросом о координации русских и саксонских военных действий в Прибалтике польский вопрос явился предметом серьёзного обсуждения между союзными монархами во время их февральского свидания в Биржах. Помимо того положение короля осложнялось вследствие ожесточённого конфликта, который разгорелся в Литве между Сапегами и литовской шляхтой. Посреднические усилия Августа II, не желавшего допустить полного разгрома ни той, ни другой стороны, не имели успеха и только обостряли противоречия между королём и антисаксонской оппозицией в Короне, сочувствовавшей Сапегам, с одной стороны, между королём и литовской шляхтой — с другой.

III

Как обычно, свидание между двумя монархами сопровождалось приветственными салютами артиллерии и любимыми при польском дворе увеселениями. Август разыгрывал привычную ему роль гостеприимного хозяина, а царственный гость проявлял необыкновенную вежливость и предупредительность. Настойчивое стремление Петра отдавать королю правую сторону во время прогулок и за столом было немедленно замечено присутствующими и произвело соответствующее впечатление. Впрочем, внешняя обстановка свидания была гораздо более скромной, чем ранее — в Раве. Начать с того, что Пётр прибыл так неожиданно, что с саксонской стороны не успели принять всех необходимых мер для его торжественной встречи. Август едва успел только выбежать на

¹⁵ «Письма и бумаги...». Т. I, стр. 421.

¹⁶ Дела прусские. 1701 г. № 3, л. 10.

¹⁷ Там же. № 7. л. 3.

крыльцо, чтобы принять гостя. Скромнее выглядел и стол, не всегда сопровождавшийся обычными при обоих дворах обильными возлияниями¹⁸. Зато другая любопытная подробность — недоверие к полякам, участникам переговоров, — вполне согласовалась не только с общим направлением петровской внешней политики, но и с личными настроениями царя. Правда, на этот раз Петру было труднее, чем обычно, владеть собою, и его раздражение по отношению к польским политикам не раз открыто вырывалось наружу. Приведём хотя бы такой многозначительный факт: в день приезда Петра, во время обеда, было «поляком всем велено уступить вон по желанию царскому»¹⁹. В другой раз, во время обсуждения с польскими делегатами польских требований о территориальных уступках России в пользу Речи Посполитой в качестве компенсации за участие Речи Посполитой в общей войне против шведов, царь, не скрывая своего возмущения польскими требованиями, прервал совещание и покинул комнату, в которой происходили переговоры, предоставляя одному Головину продолжать их далее.

Ещё одно внешнее обстоятельство значительно осложняло ход русско-саксонских и особенно русско-польских переговоров. Мы имеем в виду до сих пор ещё недостаточно изученную деятельность в Польше дю Геро, французского посланника при польском дворе. Согласно тем основным целям, которые преследовало его правительство на севере Европы, в задачу дю Геро входило прежде всего сепаратное соглашение между Саксонией и Швецией, которого он так усиленно добивался в течение всей второй половины 1700 года. Теперь, находясь в Биржах во время совещаний там между руководителями русской, саксонской и польской политики, он прилагал все усилия к тому, чтобы сорвать новое сближение между союзниками и повредить русскому делу. Особенно опасной деятельностью его представлялась в связи с намечавшимся польско-русским союзным соглашением против шведов, поскольку здесь он мог воспользоваться против России своими обширными и влиятельными связями с магнатскими и шляхетскими фамилиями Речи Посполитой. Очевидно, прекрасно понимая это, петровская дипломатия сама пошла на сближение с дю Геро, благодаря чему противодействие французского посланника было временно преодолено, что значительно облегчило дело русско-польских переговоров.

Подняв этот вопрос, мы должны оговориться, что описываемый нами эпизод нарушает несколько ту картину начального периода русско-французских отношений в первую половину Северной войны, которую в целом удачно удалось представить изучавшей петровскую внешнюю политику Т. К. Крыловой. Дело в том, что собственное признание Головина Матвееву, бывшему тогда русским посланником в Голландии (речь идёт о переписке между ними спустя некоторый промежуток времени после обстоятельств биржинского свидания), вполне согласуется с тем представлением, которое создаётся на основании официальной записки Ледрана по этому поводу (1726 г.). Записка эта представляет собой справку французского министерства иностранных дел, составленную для использования её дипломатической службой в сношениях между Россией и Францией, что уже само по себе обязывает исследователя внимательно отнестись к сообщаемым ею данным и считаться с нею при своей реконструкции хода русско-французских отношений. В этой записке обстоятельства русско-французских переговоров в Биржах представлены в следующем виде: дю Геро, выехавший вслед за Августом на место свидания северных союзников, был принят Петром, причём царь выразил желание «соединиться теснейшими узами дружбы» с Людовиком XIV. Во время этой аудиенции были обсуждены

¹⁸ Дела польские. 1701 г. № 26, л. 17.

¹⁹ Там же.

также вопросы франко-русских торговых отношений, и царь, выразив недовольство голландцами, выдвинул план франко-русского торгового договора²⁰. Таким образом, в изображении Ледрана, инициатива сближения с Францией принадлежала Петру, исходила от русской дипломатии. Вместе с тем Ледран утверждает, что русское предложение не встретило большого сочувствия в Версале и ответ короля был составлен только в общих выражениях. Оба эти основные положения записки 1726 г. были подвергнуты сомнению и даже отвергнуты Т. К. Крыловой в её работе, посвящённой истории франко-русских отношений в первую половину Северной войны²¹.

Не касаясь второго из поставленных ею вопросов, ограничимся лишь указанием на то, что первый не находит никакого подтверждения в наших источниках, и, наоборот, указания Ледрана вполне совпадают с воспоминаниями о Биржах одного из руководителей русской политики — Головина. В доказательство можно сослаться на следующее его в высшей степени любопытное признание, сделанное в письме, адресованном русскому посланнику в Гааге Матвееву и помеченном 11 (22) марта 1701 года: «Мы, за помощью божиею, сего месяца приехали счастливо к Москве, возвратясь от Биржи, которое есть в Лифлянтах полских, близ Семигалии. И виделись с королём полским и подкрепили прежней алианс. При короле был и французской посол и всяким образом трудился сего не допустить. Однакож за божиею помощью совершили счастливо и имели довольно разговаривати и сами с ним, также и государь к сему великую изволил показать склонность, что тот посол хотел писать королевскому величеству о всём, и о том отозваться к нам»²².

Итак, совершенно очевидно, что инициатива франко-русского сближения в феврале 1701 г. исходила от русской дипломатии. В свою очередь, сближение это в значительной степени определило исход русско-саксонских переговоров, закончившихся 26 февраля (8/III) 1701 г. подписанием нового союзного договора.

В преамбуле его говорилось об «утверждении прежняго, на Москве и в Дрездене от 11/21 ноября постановленного» союзного договора²³, а в первой статье оба союзника обязывались «сию войну против Шведа, колико возможно, всеми силами продолжать и ни на какие предложения, от противной стороны учинённые, или чрез оружие на одну страну, ради полученнаго себе довольства, без общаго соизволения от того преставати и друг друга не оставлять»²⁴. Возможные мирные предложения шведов должны были подвергаться совместному обсуждению. Однако это подтверждение действовавшего с 1699 г. русско-саксонского союза должно было обойтись Петру довольно дорого. Помимо того, что с русской стороны в помощь Августу II и под начальство его командующего было обещано передать от 15 до 25 тысяч «удобной и благообученной пехоты» с оружием и воинским снаряжением и даже денежным вознаграждением за их содержание (ст. ст. 2, 3 и 4)²⁵, согласно только что подписанному договору Россия обязывалась снабдить своего союзника 100 тысячами фунтов «удобного пороху» (ст. 5), а также дать займы сроком на два года 100 тысяч рублей или 200 тысяч ефимков (ст. 6)²⁶. Зато русской стороне удалось добиться чрезвычайно важного для неё согласия саксонцев координировать в будущем русские и саксонские военные действия в Прибалтике. Во-

²⁰ Сборник РИО. Т. 34, стр. IV.

²¹ Крылова Т. «Франко-русские отношения в первую половину Северной войны». «Исторические записки» за 1940 год. № 7, стр. 120—121.

²² Письма разных лиц на русском языке. 1701 г. № 1, лл. 10—11.

²³ «Письма и бумаги...». Т. I, стр. 435.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, стр. 435—436.

²⁶ Там же, стр. 437.

просу этому была целиком посвящена вся 8-я статья разбираемого трактата, согласно которой обе стороны соглашались регулярно созывать русско-саксонские военные совещания и постоянно обмениваться военной информацией²⁷.

Итак, целью этих предполагаемых совещаний должна была явиться координация военных действий, что было особенно важно, поскольку польский король обещал, что «хочет он с своей стороны все свои войска и воинския готовности токмо едино к тому употреблять, дабы Короне Свейской, яко нашему обеих стран общему неприятелю, удобь вымышленный ущерб приключить, и такое отвращение в сих местах, в Лифляндах и Эстляндах... учинено было, дабы нам не токмо в государстве нашем безопасным быть, но и в счастливом продолжении оружия своего в Ижерской и Корельской землях помешательства не получить...», причём «его королевское величество, как всякое неприятельское наступление на стороны нашего царского величества, так и всякие секурс от тех мест, где другие наши войска будут, на сей стороне чинить промыслы и весьма удержать и некоторыми мерами, при помощи Божией, не допустить обещает» (ст. 7)²⁸.

Разумеется, тот факт, что подтверждение союзного договора 1699 г. и саксонское обещание координировать в дальнейшем военные действия союзников доставались Петру теперь такой дорогой ценой и были обусловлены такой серьёзной русской военной и материальной помощью Августу II, можно объяснять только влиянием нарвского поражения, во-первых, и пониманием тех крайних трудностей, с которыми приходилось встречаться русскому союзнику при продолжении Северной войны в Польше, во-вторых.

Очевидно, под влиянием саксонских представлений в договор была введена и особая, 9-я статья, специально посвящённая вопросу о возможном посредничестве Австрии или Франции, Англии, Голландии или Бранденбурга с тем, однако, чтобы мирные переговоры на предлагаемых этими державами условиях «прежнему и нынешнему новочинённому союзам и уговорам без всякого вреду, ибо оные в полной силе да пребывают»²⁹.

В пользу предположения, что включение в договор 9-го пункта произошло под влиянием саксонских представлений, свидетельствует не только тот факт, что с политической линией западных посредников должен был считаться, разумеется, прежде всего Август II, опасавшийся за судьбу своих наследственных земель в империи и боявшийся вредного влияния иностранных интриг в Польше, но и сама по себе приведённая в начале статьи мотивировка такого решения союзников. Мотивировка эта говорила только об интересах саксонского курфюрста и объясняла решение не отклонять заранее возможных мирных предложений западных держав тем, что «окончание войны недостоверно, а особливо понеже ради спорнаго Гишпанского наследства по всей Европе тяжкой войны опасно, и в таком случае королевского величества в Немецкой земле лежащие курфирстския и наследныя земли в наивысшем страху будут»³⁰.

Однако для нашей основной темы, посвящённой изучению польско-русских отношений, главный интерес представляет тайная статья, приложенная к разобранному выше союзному трактату. «Понеже мы, — говорилось в ней, — великий государь наше царское величество, ничего приятнее не желаем кроме того, дабы в наши с королём Польским постановленные союзы Речь Посполитая купно вступила, и того ради его королевское величество оную к тому приводит всякое прилежание

²⁷ «Письма и бумаги...». Т. I, стр. 438.

²⁸ Там же, стр. 437—438.

²⁹ Там же, стр. 438.

³⁰ Там же.

и труды прилагати хочет; и того ради обещаем мы, великий государь, царь, в середине июня потом 200 000 рублёв на распоряжение королевского величества в Смоленске заплатить, дабы теми некоторым из сенаторей, которые способы сыщут сие намеренное дело наилегче исполняти, некоторые награждение и милость оказати»³¹.

Целям привлечения к войне Речи Посполитой должна была служить и 7-я статья февральского договора, в которой обещалась уступка королю и Республике всей Ливонии, Лифляндии и Эстляндии, «яко которыхя провинции мы, великий государь, без всякого на то имеющего притязания, его королевскому величеству и речи Посполитой Польской оставляем»³². Вместе с тем именно эти статьи составляют наиболее серьёзное отличие союзного договора 1701 г. от союзного договора 1699 года. Напомним, что в 1699 г. с перспективой вступления в войну Польши мирились лишь, как с неизбежным злом, оставляя это дело всецело на попечение Августа II. В 1701 г. обстоятельства круто переменялись. Россия теперь сама, несмотря на сохранившееся недоверие к политикам магнатско-шляхетской Речи Посполитой, шла на оказание материальной помощи Августу II для привлечения Польши к войне, официально обещала передать ей и королю всю Ливонию. Разумеется, и в этом случае инициатива исходила от Августа. Целью его было укрепить с помощью этого договора свои собственные позиции в стране. Однако известный перелом по отношению к Польше наметился и в русской внешней политике. Ход событий принуждал Россию стремиться к скорейшему вовлечению Польши в войну против шведов. Впрочем, вопрос о царских обещаниях уступить Лифляндию и Эстляндию имел свою историю уже во время биржинского свидания, когда Пётр во время переговоров с поляками открыто добивался передачи ему Нарвы. Но об этом мы скажем в следующем разделе нашего исследования, посвящённом ходу польско-русских переговоров, развивавшихся параллельно русско-саксонским.

IV

Выше уже отмечалось, что инициатором русско-польских переговоров о союзе выступил польский король, поскольку именно для него польский вопрос представлял наибольшее значение, а противодействие поляков составляло весьма существенную опасность. Но и помимо этого, даже учитывая второй план саксонской политики, рассчитанный на примирение со шведами, энергичный поворот Польши в сторону войны со Швецией и соглашения с Москвой мог в очень серьёзной степени укрепить королевские позиции по отношению к Стокгольму в предстоящих мирных переговорах.

В том, что первые русско-польские переговоры о союзе против шведов в период Северной войны были начаты под саксонским влиянием, убеждают нас и современные событиями источники, в частности, протокол совещания между Мазепой и дьяком Борисом Михайловым, присланным на Украину для консультации с малороссийским гетманом по поводу польских территориальных претензий, выяснившихся в ходе биржинских переговоров. «Ему ж, Гетману и Кавалеру, говорено, — указывалось в протоколе, — что при том постановлении³³, говорил королевское величество, каким бы образом мочно Речь Посполитую Польскую к той же войне обратить (на что некоторое число и денег тайно на дачу сенаторскую королевскому величеству дать обещано)»³⁴.

³¹ «Письма и бумаги...». Т. I, стр. 439.

³² Там же, стр. 437.

³³ Имеется в виду свидание в Биржах.

³⁴ Бантыш-Каменский Д. «Источники Малороссийской Истории». Ч. 2-я, стр. 31. М. 1859. Ср. Дела малороссийские. 1701 г. № 20, лл. 21—27.

В связи с вопросом о русско-польском союзе между русскими и польскими дипломатами, возглавляемыми подканцлером Шукой, состоялось в Биржах всего три конференции. На первой из них, по свидетельству безымянного автора польского дневника биржинского съезда, поляки выставили требование коренного пересмотра условий «вечного мира» 1686 года. Это означало, что в обмен на польский союз Россия должна была отказаться в пользу Речи Посполитой от Киева и Киевского воеводства³⁵. Такие чрезмерные притязания польских дипломатов сразу же вызвали резкую отповедь со стороны царя, присутствовавшего на совещании. Пётр указал на то обстоятельство, что в качестве вознаграждения за союз Речь Посполитая получает Ливонию, за Киев же полякам были уже уплачены в своё время русские деньги. Попытки Шуки возразить царю ссылкой на то, что русские деньги были вознаграждением не за Киев, а за перемирие, повели к тому, что переговоры сразу же приобрели крайне напряжённый характер. Царь, разгневанный поведением поляков, покинул конференцию, предоставляя Головину одному продолжать её³⁶.

Однако такой резкий поворот дела не соответствовал видам русского правительства. На полный разрыв с поляками русские идти отнюдь не собирались, поэтому при продолжении конференции Головин постарался приложить все усилия к тому, чтобы разрядить атмосферу и объяснить причины русских возражений против требуемых поляками уступок. И «разумно почал говорить, что, хотя бы царское величество хотел то учинить, не может без думы и гетмана казацкого, ибо инако подлинно б война домовая началась»³⁷. Повидимому, эти и подобные заявления Головина произвели соответствующее впечатление на поляков. Вслед за первой была созвана вторая, а затем и третья конференции, во время которых обе стороны постарались уточнить свои условия.

В ходе второй конференции «царь объявил министрам, что он всеми мерами старается оставаться с Речью Посполитой в дружеских отношениях, главным доказательством тому может служить его желание совместно с Польшею воевать против шведов, что он даёт обещание не мириться со шведами до тех пор, пока Польше не будут возвращены Лифляндия и Эстония, что сам он ни в чём не хочет воспользоваться из этих провинций, что для предстоящей войны он даёт 20 тысяч пехоты и 40 орудий со всеми военными снарядами, амунициею и жалованием на всё время, сколько эта война продолжится. Царь намекнул на неосновательность подозрения, что будто бы он намерен содействовать королю в ущерб Речи Посполитой, что ему, как соседу, это вовсе не нужно, что если бы он хотел вмешиваться в дела Польши, то очень удобно мог бы воспользоваться бурным временем междуцарствия»³⁸.

Заверения Петра относительно его намерений не действовать в ущерб Речи Посполитой, оказывая помощь королю, естественно, преследовали одну цель — усыпить подозрение польской магнатирии, возбуждённое отчасти вследствие двуличной тактики саксонской дипломатии. Обещание его оставить Ливонию полякам не давало ничего нового ни по сравнению с предложениями на прежней, так тяжело проходившей конференции, ни по сравнению с новым русско-саксонским договором. Новым было на этот раз только царское предложение об оказании Речи Посполитой военной помощи против шведов передачей ей 20-тысячного корпуса пехоты с 40 орудиями на собственном его содержании. Было ли это обещанием прислать Польше дополнительный корпус, помимо тех войск,

³⁵ Перльштейн А. «Свидание Петра Великого с Августом II в Биржах». «Временник Императорского Московского О-ва истории и древностей Российск.». Кн. 17-я, стр. 13. М. 1853.

³⁶ Дела польские. 1701 г. № 26, лл. 21—22.

³⁷ Там же, л. 22.

³⁸ Перльштейн А. Указ. соч., стр. 16.

которые, по союзному договору его с Августом II, Пётр должен был предоставить в распоряжение своего саксонского союзника, или же царь имел в виду тот же самый контингент пехоты, который, по договорённости с Августом II, должен был поступить под командование саксонского генерала? Из двух возможных вариантов решения этого вопроса правильнее, нам кажется, было бы остановиться на последнем. И не только потому, что в заключённом 26 февраля (9/II) русско-саксонском договоре названа приблизительно та же самая (от 15 до 25 тыс.)³⁹ численность пехоты, передаваемой на королевскую службу, но прежде всего потому, что параллельная отправка ещё одного 20-тысячного корпуса пехоты на помощь Речи Посполитой (в общей сложности, следовательно, около 40 тыс. войск) была для России в тот тяжёлый для неё момент едва ли посильной задачей.

Итак, русские предложения полякам, по существу, повторяли условия договора с Августом II. Вынужденная оказывать ему военную помощь и обязавшаяся передать ему и Речи Посполитой Эстляндию и Лифляндию, русская дипломатия стремилась вместе с тем использовать эти же обещания и в качестве приманки для Речи Посполитой с тем, чтобы посредством их заинтересовать её и втянуть в борьбу с победоносной шведской армией. Со стороны России это был довольно искусный и хорошо продуманный дипломатический манёвр.

Царь торопил польских дипломатов с продолжением переговоров о союзе и на их замечание о том, что с русской стороны ещё не было прислано для этого уполномоченного лица, «возразил, что он уже отправил своего посланника в Варшаву, который, наверное, уже прибыл к месту своего назначения»⁴⁰. На третьей конференции с поляками царь окончательно сформулировал свои предложения: «1. Царь желает соединиться с Польшею против шведов, он хочет быть с нею в союзе против всякого врага, а с Швециею, без согласия Речи Посполитой, мира не заключит. 2. Лифляндия и Эстония должны быть возвращены Польше, не оставляя себе из этих провинций ни одной пяди земли; Ингрию же и Корелию с Нарвою царь оставляет за собою. 3. Для войны с шведами царь даёт 20 тысяч пехоты и 40 орудий с военными снарядами, амунициею и жалованием на всё время, сколько эта война продолжится»⁴¹.

Постановка вопроса о Нарве, требование присоединения этого балтийского порта к русской государственной территории, является наиболее характерным моментом в этих последних предложениях царя.

Польская сторона на третьей конференции попрежнему клонила к пересмотру «вечного мира». Правда, на этот раз польские дипломаты не настаивали на возвращении Киева и Киевского воеводства. Однако требования некоторых территориальных уступок со стороны России в пользу Речи Посполитой фигурировали в выдвигаемых ими условиях с той мотивировкой, что в случае царских уступок представится больше шансов, чтобы склонить сейм к войне со шведами. Наиболее полное отражение требования эти нашли в протоколе совещаний между дьяком Борисом Михайловым и гетманом Мазепой. «Но те вышеписанные министры, — сообщалось в нём, — будучи при тех многих разговорах, говорили, чтоб некоторое к тому склонение показать с стороны Царского Величества Речи Посполитой, дабы тем лучше они могли привести на будущем сейме к войне с шведом Речь Посполитую, и склонение объявили, желаяще довольства Речи Посполитой с стороны Царского Величества, таковым предлагая способом, понеже без некоторого обещания Речь Посполитая к тому никакого склонения показати не похощет»⁴². «Способ» этот заключался, по мнению польских дипломатов, в трёх следующих

³⁹ Письма и бумаги... Т. I, стр. 435 (ст. 2-я договора).

⁴⁰ Перльштейн А. Указ. соч., стр. 16.

⁴¹ Там же.

⁴² Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 31.

пунктах: во-первых, «дабы Заднепровские местечки: Терехтемиров, Стайки, Триполье возвращены были от Украйны во владение Речи Посполитой», во-вторых, «дабы положенные пустою быть по договором Заднепровские ж места, Чигирин и прочные, не возбранить бы чинить поселения» и, в-третьих, «естли возможно, чтоб уступить некоторые сёла от Стародубскаго полку к стороне Польской»⁴³.

Разумеется, и эти урезанные претензии поляков не встретили у русских дипломатов никакого сочувствия. Русский отказ⁴⁴ должен был, казалось, предопределить неудачный исход всего дела. Однако прозвучал он далеко не так резко и категорически, как это можно было бы предполагать. Русские представители предпочли не идти на полный разрыв с поляками и, заявив им о необходимости предварительной консультации с Мазепой, избрали путь некоторой оттяжки переговоров, не смотря на то, что решение о необходимости пойти (хотя бы только для видимости) на территориальные уступки Речи Посполитой созрело довольно давно, судя по цитированному выше документу от 12 (23) декабря 1700 года. Осторожность русской дипломатии объясняется не только тяжёлыми для России последствиями нарвской катастрофы и опасениями за своего единственного союзника, Августа II, судьба которого в значительной степени зависела от того, какой поворот примут дела в Польше, но и действительной необходимостью согласовать вопрос об уступках полякам с малороссийским гетманом, известным при русском дворе своей антипатией к шляхетской республике. Кроме того известную роль должно было сыграть нежелание русских дипломатов заранее, до начала официальных русско-польских переговоров о союзе, раскрывать свои карты и согласием на те или иные требования поляков создавать опасные прецеденты на будущее. Поэтому, «выслушав» поляков, было «им объявлено подлинно, что того им никогда уступлено не будет, потому что те все положения отданы по договору во владение вечное Его Царского Величества Гетманом, и никакова насилдия от Царского Величества, чтобы отнято было от Украйны, не бывает, но о том естли что учинить будет возможно, советовав с верным Его Царского Величества подданным, Гетманом и Кавалером, с ним Иваном Степановичем, учинена будет к тому пристойная отповедь, чрез Посланника Его Царского Величества вскоре»⁴⁵.

Остановимся ещё на одном эпизоде, любопытно характеризующем обстановку биржинского съезда. Ещё до начала польско-русских переговоров Пётр, продолжая свою обычную тактику заигрывания с могущественным польским католическим клиром и, может быть, даже отчасти удовлетворяя своё собственное любопытство, посетил биржинский костёл во время отправления там богослужения. Такой поступок православного царя не мог пройти незамеченным и не возбудить известных надежд на возможное соединение церквей⁴⁶. И действительно, один из сенаторов, присутствовавших во время обедни (имя его, к сожалению, неизвестно), обратился с подобным предложением к царю, который, однако, довольно удачно сумел уклониться от прямого ответа. Слова Петра не прозвучали как отказ, ни тем более как согласие, хотя при желании их можно было истолковать и в первом и во втором смысле. Содержание его ответа передаёт нам цитированный выше дневник польского сенатора: «Господь действительно дал царям власть над народами, но над совестью людей властен лишь один Христос, такая религиозная реформа могла бы только совершиться по допущению Божию»⁴⁷.

Несмотря на тот, не вполне успешный для Петра оборот, который

⁴³ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 31.

⁴⁴ Там же. См. также Перльштейн А. Указ. соч., стр. 17.

⁴⁵ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 31—32.

⁴⁶ Deruga A. «Piotr wielki a Unia i Unja kościelna, 1700—1711», str. 72. Wilno, 1935.

⁴⁷ Перльштейн А. Указ. соч., стр. 12.

приняли польско-русские переговоры о союзе, политические результаты биржинского свидания можно считать вполне удовлетворительными для русской дипломатии. Уверенность её в возможности дальнейшего продолжения так неудачно начавшейся войны теперь была укреплена. Значение этого свидания станет вполне очевидным, если мы вспомним те настроения, с которыми отправлялись на свидание русские политические руководители. Тогда не был ещё решён основной вопрос: мир или война. Это в значительной степени зависело от исхода переговоров с королём. В письме к гетману Мазепе от 30 января (10/II) 1701 г., следовательно, незадолго до отъезда в Биржи, Головин писал: «Царское величество намерен итти конечно сего числа в путь свой, дабы могли видетися с полским королём, что положено в Динобурке, разстоянием от Пскова з двести вёрст. И тогда, как даст Бог, увидевся, что положат — мир или брань, чрез писмо дам знать велможности вашей»⁴⁸. Зато 16 (27) марта Головин мог смело писать гетману: «О состоянии поездки нашей даю милости твоей знати, что были мы в Бирже близ курлянской границы и виделися с королём полским и исполнили что надлежит, о войне свейской за помощью божию»⁴⁹. Ещё 11 (22) марта 1701 г. подобное же известие было направлено в Гаагу Матвееву: «Мы, за помощью божию, сего месяца приехали счастливо к Москве, возвратясь от Биржи, которая есть в Лифлянтах полских, близ Семигалии. И виделися с королём полским и подкрепили прежней алианс»⁵⁰.

Таким образом, при столь неблагоприятных для русского правительства обстоятельствах переговоров с поляками общий результат биржинских совещаний, особенно по сравнению с содержанием документа от 12 декабря 1700 г., оказался далеко не таким неудачным. Правда, выдвинутые сначала поляками требования об уступке Киева значительно превысили предполагавшиеся в декабре 1700 г. размеры возможных русских территориальных уступок. Зато, когда в результате дальнейших переговоров требования эти были сокращены поляками до минимума, минимум этот оказался для русских более выгодным, чем предполагавшийся в Москве максимум. Отказавшись от Киева, поляки настаивали теперь только на пересмотре договора 1686 г. — той его части, которая касалась пустынного пояса земель по Днепру, что было, разумеется, более приемлемым для русского правительства. Необходимо ещё отметить, что вопрос об исправлении границ Великого княжества Литовского так и не поднимался во время биржинских переговоров, в связи с этим сам собой снимался и вопрос о предполагаемой уступке Речи Посполитой псковских пригородов.

V

Протокол совещаний дьяка Бориса Михайлова с гетманом Мазепой о возможности территориальных уступок Речи Посполитой за счёт Украины в обмен за участие Речи Посполитой в войне со шведами был опубликован Д. Н. Бантыш-Каменским в 1859 году. В его издании протокол помечен 28 марта (3/IV) 1701 года⁵¹. Однако уже из содержания его следует, что переговоры эти не были закончены в тот же день и были продолжены до 9 (20) апреля⁵². Сличение текста, изданного Д. Н. Бантыш-Каменским, с подлинным делом, хранящимся в бывшем Московском главном архиве Министерства иностранных дел⁵³, показывает, что опубликованный текст представляет собою только тематическую

⁴⁸ Письма разных лиц на русском языке. 1701 г. № 1, л. 6.

⁴⁹ Там же, л. 9.

⁵⁰ Там же, л. 10.

⁵¹ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 30 — 35.

⁵² Там же, стр. 33.

⁵³ Дела малороссийские. 1701 г., № 20.

выборку из записи переговоров, посвящённую лишь одному вопросу. — предполагаемым территориальным уступкам Речи Посполитой. Подлинный текст даёт возможность и более точно датировать время совещаний Мазепы с Михайловым. Но поскольку запись этих переговоров вполне точно передана в издании Д. Н. Бантыш-Каменского, мы, сделав необходимые уточнения, будем ссылаться на его публикацию.

Основным вопросом, обсуждавшимся 28 марта (8/IV) Мазепой и Михайловым, был вопрос о личном участии малороссийского гетмана в военных действиях против шведов. Вопрос этот всплыл в связи с изъясненным Мазепой желанием двинуться с 30 тыс. отборного малороссийского войска в поход в Прибалтику через Литву⁵⁴. Предложение малороссийского гетмана отнюдь не соответствовало видам русского правительства, и не потому только, что попрежнему существовали опасения за судьбу Украины, — главным образом из-за возможного нападения на неё татар. Аргумент этот существовал, правда, в московском ответе, переданном гетману через Михайлова. В нём указывалось, что окончательно решение о походе Мазепы будет сделано после того, как будет выяснена возможность татарской угрозы, «потому что и в прошлом году ему, гетману и кавалеру, на его великого государя службу для такого ж прилучия и опасения быть было отказано»⁵⁵. Однако главное возражение Москвы было направлено на другой пункт гетманского плана, непосредственно задевавший польские интересы. Возражение против движения гетмана через Литву, как выясняется из дальнейших слов Бориса Михайлова, было связано не только с предполагаемыми заранее протестами против этого плана короля и поляков, но и с тем, что положение дел в Польше отнюдь не благоприятствовало принятию такого решения. Поход Мазепы не только не привёл бы к улучшению польско-русских отношений, в чём теперь было непосредственно заинтересовано русское правительство, но мог повести к обострению и без того напряжённых отношений между соседями. Следующие слова Михайлова полностью подтверждают это положение: «А ныне, — говорит он Мазепе, — естли ему на его великого государя службе и быть, и иттить ему с войски Литвою непристойно и неприлично. Да и король полский и сенатори на то не позволят, а хотя б и было позволено, и в том надлежит опасение немалое, и воинским людем без обид в тех местех пройтить невозможно и оттого меж обоими народы произыдут ссоры и нелюбья и в намеренном деле повреждения»⁵⁶.

Таково было основное расхождение, которое существовало между польской политикой малороссийского гетмана, откровенно высказывавшего русскому правительству своё враждебное отношение к шляхетской Республике, и петровской дипломатией, сторонницей осторожной по отношению к Речи Посполитой тактики. Расхождение это отнюдь не было к тому времени какой-либо политической новостью. Осторожная тактика петровской дипломатии в 1701 г. была естественным продолжением всей предшествующей польской политики русского правительства.

8 (19) апреля состоялась новая конференция Михайлова с малороссийским гетманом, попрежнему настаивавшим на пропуске его через Литву и ссылавшимся при этом на те многочисленные трудности, которые осложнили бы его поход в случае движения малороссийского войска через Смоленск⁵⁷.

Дальнейшая дипломатическая переписка вполне подтвердила опасения русского правительства. На царское письмо к польскому королю с просьбой пропустить Мазепу с войском через территорию Речи Поспо-

⁵⁴ Дела малороссийские. 1701 г., № 20, л. 3.

⁵⁵ Там же, л. 4.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, л. 16.

литой⁵⁸ последовал решительный отказ⁵⁹, и русская сторона не стала больше настаивать на этом рискованном пункте.

На конференции 8 апреля⁶⁰ были обсуждены с Мазепой и те польские территориальные претензии, с которыми выступили польские министры во время биржинских переговоров. Михайлов просил при этом Мазепу, «чтоб он, Его Царского Величества юдданной, Гетман и Ковалер, по верной своей к Царскому Величеству службе, о том вышеписанном принёс совет истинной, возможно ли из тех вышеписанных мест что уступить в сторону Польскую, и не будет ли тем какого препяття и соблазну жителем малороссийским, в чём Его Царское Величество Его Гетманскому совету учинить изволит, или б ныне токмо едино, чтоб для присовокупления войны к короне Свейской Речи Посполитой обещание учинить, будто тех мест Царское Величество уступить изволяет, а после возможно, ссыкав многое непостоянство польское, от того им отказать, что им и самим отставить той войны, начав немочно»⁶¹. Таким образом, русское правительство предполагало возможность двойного разрешения вопроса о польских территориальных притязаниях. В одном случае речь шла о фактической уступке запрашиваемой поляками территории, в другом, — лишь об обещании её для того, чтобы, используя её в качестве приманки и втянув Польшу в шведскую войну, отказаться от передачи обещанных земель. Вместе с тем гетману был изложен и тот минимум польских претензий, на котором остановились в Биржах польские представители.

В ответной речи малороссийский гетман, оговоривший, впрочем, что «как он, Великий Государь, Помазанник Божий, соизволит, так он и учинить готов», все три выдвинутые поляками пункта подверг довольно подробному разбору. На первый из них он даже дал немедленное согласие: «Естьли совершенно в том на сторону Его Царского Величества, — говорил гетман, — Польской Речи Посполитой склонение будет, и против вышеобъявленной третьей статьи, за Днепром три местечка, Терехтемиров, Стайки, Триполье им уступить мочно, и от того никакова повреждения на сторону Царского Величества не будет, только б ту уступку им учинить на том, чтоб они напредь всего, Речью Посполитою учинённой с Великим Государем, с Его Царским Величеством, вечной мир, и что ныне с ними для той уступки будет постановлено, подтвердили подлинно и совершенного ради содержания напечатали о том в конституцию»⁶². Но два других пункта вызвали решительные возражения Мазепы: «А Заднепровские ж места: Чигирин, Канев, Черкасы, Крылов и иные изо владения Великого Государя, Его Царского Величества в Польскую сторону уступать которыми мерами невозможно, таких ради причин: естьли теми местами уступить, то на той стороне останетца в державе Его Царского Величества один Киев, и будет в великом опасении, потому что в те чигиринские места и протчих тех городов перейдут на житьё с сей стороны Днепра, и населятца одним летом множество, и берег той стороны реки Днепра овладеют и учнут называть тот берег своим, и будучи у реки Днепра в самой близости, произойдут от них ссоры»⁶³. Наконец, указывал гетман, возникнут новые затруднения с запорожцами, удержать их будет тогда гораздо труднее, «и от того будут как от жителей той стороны Днепра, так и от запорожцов трудности и розни большие, и всё пойдёт на сторону Царского Величества беспокойно и ко утрате большой»⁶⁴. Возражения

⁵⁸ «Письма и бумаги...». Т. I, стр. 450; письмо Петра помечено 30 мая.

⁵⁹ Дела польские. 1701 г. № 15, д. 99. Русский посланник Поспиков считал, что страх перед появлением малороссийского войска в пределах Речи Посполитой был главной причиной отказа.

⁶⁰ Дела малороссийские. 1701 г., № 20, л. 21.

⁶¹ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 32.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, стр. 32—33.

против третьего пункта были сформулированы гетманом следующим образом: «А от Стародубского полку в Польскую сторону ко уступке нигде ничто не приличилось, потому что тот Стародубской полк с Поляки разделила река Сож, и за тою рекою, на Польской стороне ево, Гетманскаго, владения накакова нет, а за реку в Стародубской полк Поляком вселятца непристойно же»⁶⁵.

Таким образом, за исключением первого пункта, все остальные польские претензии гетман считал неосновательными и высказывался против их удовлетворения русской стороной, ссылаясь главным образом на интересы безопасности Украины. Зато уступка по первому пункту ставилась им в зависимость от того, подтвердят ли поляки на сейме «вечный мир» и новый союзный трактат с Россией и внесут ли его в печатные конституции сейма или же не сделают ни того, ни другого. Утверждение сеймом договоров было, по мнению Мазепы, основным предварительным условием, при котором русская сторона могла бы пойти на удовлетворение части выставленных поляками претензий. На этом, собственно говоря, и окончилась конференция 8 апреля. Мазепа, получив от Михайлова копию нового биржинского трактата с Августом II, попросил дополнительного времени для его изучения⁶⁶.

Третья конференция между ними произошла 9 (20) апреля. Мазепа подробно остановился на условиях нового союза с Августом II, бывших, по его мнению, слишком тяжелыми для русской стороны, и высказал сомнение в искренности поляков и даже самого короля польского, который, «вызвав под Ругодев Его Царскаго Величества рати, и сам в тот час от Риги отступил и в самое дело выдал»⁶⁷. Однако он попрежнему высказался в пользу уступки полякам Терехтемирова, Стаек и Триполья, при том, конечно, условия, «чтоб наперед они сами учинили совершенство в правде, и вечной мир всею Речью Посполитою подтвердили и в конституцию напечатали; а как напечатают, по том бы им те места уступить, а не прежде подтверждения»⁶⁸. Приведённый отрывок свидетельствует также о том, что из двух возможных вариантов, «когда пришло, что дружбы их миновать стало нельзя», гетман остановился на том, который предполагал реальную уступку Речи Посполитой украинских земель⁶⁹. Вместе с тем он подал и весьма ценный совет, правильно ставящий прочность нового союза в зависимость от заинтересованности в нём крупнейших магнатских фамилий Речи Посполитой. Только в случае их согласия пойти на союзный договор с Россией договор этот мог иметь реальную силу. Поэтому, советовал Мазепа, необходимо «тот договор учинить с Начальными Польскими Сенатори, с Арцыбискупом Гнезненским, с Гетманом Корунным и с Любомирскими, которые Польскою Речью Посполитою владеют, и все дела Польского Государства на чинах их належат, и на Заднепрри имеют вечные свои маестности, и кому те места назначенные ко уступке належат же. А с Подканцлером Литовским, Шуксю, такое великое дело становить не прилично, потому что на многих сеймах опорочен, и изложения о нём бывали не по одно время, что ево Речью Посполитая и до Государственной верности не допускает, а в Сенаторех ему не заседать, а паче всего, что он на Заднепрри нигде никакова поселения не имеет, и постановление ево в том, без Арцыбискупа и иных начальных Речи Посполитой Сенаторей будет нетвёрдо»⁷⁰.

Так окончилась консультация по вопросу о польских условиях союза между Мазепою и представителем русского правительства. Последнему принадлежало в конце концов решающее слово.

⁶⁵ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 33.

⁶⁶ Дела малороссийские. 1701 г. № 20, л. 41.

⁶⁷ Бантыш-Каменский Д. Указ., соч. Ч. 2-я, стр. 33—34.

⁶⁸ Там же, стр. 34.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

VI

Есть ещё два серьёзных обстоятельства, принуждающих нас задерживать внимание на встрече Михайлова с Мазепой.

Одно из них возвращает нас несколько назад, к событиям биржинского съезда. Однако разъяснение его становится возможным только теперь, в связи с переговорами представителя русского правительства с гетманом Мазепой. Дело в том, что во время этих переговоров было отдельно упомянуто имя одного из участников биржинского свидания, Григория Огинского, вождя шляхетского движения на Литве, направленного против Сапег⁷¹. Прежде чем появиться на страницах протокола совещания Бориса Михайлова с гетманом Мазепой, имя это появилось в переписке Ф. Головина с малороссийским гетманом в следующем любопытном контексте: «О состоянии поездки нашей даю милости твоей знати, что были мы в Бирже, близ Курлянской границы, и виделись с королём польским и исполнили, что надлежит, о войне швейцарской за помощь божиею. Видели сенаторей, подканцлера Шуку, бископа киевского, господина Огинского, который ныне против Сапегов. И мню конечно, по состоянию тамо будущего дела — уже Сапегом таким высоким станом быти не мочно. На что смотря, и в Короне на гетмана и прочих старших Посполитой народ такую конфедерацию хочет учинить, что на короля негодуют, мнят попушение от него быти Огинскому. А Огинской — человек зело безумной и непостоянной и болши одиннадцати тысяч имеет конфедератов при себе, что мы сами видели в Полоцку, когда ехали к королю. И многие сапегенские маестности запустошили, а другие — охранены королевскими саксонскими войски. Домы Сапег, как в Вилне, так и в прочих местах, где не поспешили королевские войски, в достаток разграблены и опустошены»⁷².

Приведённое свидетельство руководителя русской внешней политики интересует нас главным образом в двух следующих аспектах. Во-первых, перед нами подлинное свидетельство такого проницательного, как Головин, очевидца внутренних польских событий и того стеснённого положения, в котором оказалась впоследствии их королевская политика. О затруднениях её в Польше и Литве мы уже говорили выше, показывая неудачу предпринятого ею посредничества между Сапегами и литовской шляхтой. Прочитанный отрывок из письма Головина как нельзя лучше подтверждает сделанный нами вывод. В самом деле, по словам Головина, действия литовских конфедератов зашли уже настолько далеко, что не только самим Сапегам, но даже польским магнатам начинала угрожать вполне реальная опасность. Между тем действия короля, не решавшегося прямо опереться на лагерь Огинского и избравшего тактику посредничества между ним и Сапегами в надежде, повидимому, избежать обострения противоречий с магнатской оппозицией в Короне и попутно использовать Огинского в качестве средства давления на неё, не привели ни к какому прочному результату. Скорее даже наоборот. Предпринятая королём посредническая миссия приводила его, с одной стороны, к столкновению со всё усиливающимся лагерем Григория Огинского, с другой — вызывала опасные подозрения среди оппозиции в Короне. При таком положении дел польские позиции Августа II были действительно слишком непрочными, в чём легко могло убедиться теперь русское правительство.

Во-вторых, канцлерское письмо привлекает внимание исследователя ещё и потому, что, Головин, отметив в нём самый факт встречи русских представителей с польскими сенаторами («видели сенаторей, подканцлера Шуку, бископа киевского, господина Огинского»), особенно подробно

⁷¹ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 33—34.

⁷² Письма разных лиц на русском языке. № 1, л. 9. Письмо Головина датировано 16 (27) марта 1701 года.

остановился на характеристике Григория Огинского и возглавляемого им движения литовских конфедератов. Правда, личная характеристика Огинского («человек zelo безумной и непостоянной») звучит далеко не лестно, зато серьёзная политическая роль, принадлежащая его партии, подчеркнута вполне определённо. Нам предстоит разрешить вопрос: было ли внимание Головина к Огинскому и его сторонникам обстоятельством случайным, простой констатацией создавшегося в Литве положения вещей, или перед нами какое-то косвенное свидетельство о происходивших во время поездки Петра в Биржи переговорах русских дипломатов с Григорием Огинским, переговорах, которые в какой-то мере заинтересовали русскую сторону? В пользу последнего предположения свидетельствует протокол совещания Мазепы с дьяком Борисом Михайловым.

Вопрос об Огинском обсуждался 9 (20) апреля. Однако сообщение протокола о мнении русского правительства звучит довольно глухо и свидетельствует разве только о том, что личность Огинского вызвала среди русских дипломатов известный интерес, в связи с чем решено было проконсультироваться с малороссийским гетманом. Вот что дословно говорится по этому поводу в протоколе: «Гетману ж и Кавалеру объявлено о Огинском, как о том Борисе наказано»⁷³. Ответ Мазепы несколько проясняет эту запутанную ситуацию и позволяет догадываться о характере тех сношений, которые происходили во время биржинских переговоров между Григорием Огинским и русскими дипломатами. Вот как отвечал Мазепа на поставленный ему, очевидно, Борисом Михайловым вопрос: «И Гетман и Кавалер говорил, что тот Огинской совершенно Сапегов из Литвы от урядов выгнал и все маестности их забрал, с позволения всей Литовской Речи Посполитой, и исправитца их Сапегов попржнему не допустят; а естли в помочь Великого Государя. Его Царскаго Величества, ратем на шведа похочет он, с Литовским войском собрався, быть в Лифлянды, то он, Огинской, учинить не может, а во всём к Великому Государю, к Его Царскому Величеству тот Огинской и вся Литва в поступках своих ко всякому доброму желательнее Коронных»⁷⁴.

Какие же выводы можно было бы сделать из этого изложения гетманского ответа? Во-первых, что политические позиции Огинского и его друзей на Литве действительно достаточно внушительны, и Сапегам едва ли удастся вернуть себе былое значение. Во-вторых, что даже при желании Огинский не в состоянии выступить на помощь царю с литовскими войсками в Лифляндию. В-третьих, что Огинский и Литва гораздо более дружественны по отношению к России, чем Корона.

Первый из этих выводов представляет полное подтверждение высказанных ещё 16 (27) марта Головиным в его письме гетману соображений относительно хода внутренних событий в Великом княжестве. В признании крупного политического значения литовской конфедерации и неизбежности её победы над Сапегами мнения русского правительства и малороссийского гетмана полностью совпадали. С двумя остальными выводами дело обстоит гораздо сложнее. В самом деле, в какой связи в переговорах Михайлова с Мазепой мог возникнуть вопрос о возможности привлечения Огинского к борьбе против шведов в Прибалтике и о дружественных чувствах литовцев к России? Мы найдём ответы на эти вопросы, только предположив, что переговоры по этому поводу между Огинским и русской дипломатией происходили ещё раньше, во время свидания в Биржах. Тогда ясным станет и то, почему такой интерес проявил Головин к личности и делу Григория Огинского.

В таком случае ход событий представляется в следующем виде. Ещё во время биржинского свидания наметились первые попытки сбли-

⁷³ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 31.

⁷⁴ Там же.

жения литовских конфедератов с Россией (если не считать подобной же, но потерпевшей полный провал попытки в 1697—1698 гг., связанной с поездкой в Москву Станислава Бокия). Инициатива в этом сближении и на этот раз принадлежала литовцам, причём перспектива их вооружённого выступления против шведов должна была явиться той основой, на которой могло укрепиться русско-литовское сотрудничество. Предлагая своё участие в войне против шведов, литовцы, в свою очередь, рассчитывали на получение содействия со стороны России в своей внутренней борьбе против Сапег. Очевидно, в связи с этим последним обстоятельством стоит тот серьёзный интерес, который проявляло московское правительство к перспективам внутривосточной борьбы в Великом княжестве. Тем не менее, несмотря на несомненное военное превосходство конфедератов перед Сапегами, русская дипломатия предпочла держаться своей обычной осторожной тактики, стремясь прежде всего до конца выяснить польскую ситуацию. С этой целью и была предпринята консультация Михайлова с малороссийским гетманом по поводу предложения Григория Огинского, причём окончательный ответ Мазепы, считавшего, что литовцы всё же не в состоянии принять участия в борьбе со шведами в Прибалтике, должен был ещё более укрепить Москву в её стремлении избегать вмешательства в польские дела. Но если для нас совещания Михайлова с Мазепой имеют прежде всего то значение, что позволяют несколько приподнять завесу над намечившимся ещё во время биржинской встречи литовско-русским сближением, то русскому правительству совещания эти позволили ещё более чётко представить себе напряжённое положение дел в Речи Посполитой, и не только в Литве, но и в Короне.

В связи с этим нам предстоит остановиться ещё на одной важной стороне состоявшейся в марте—апреле 1701 г. консультации с гетманом. Во время этой консультации встал вопрос о положении дел в Польше и о дальнейшей судьбе Семёна Палея. Известия, переданные Мазепой Михайлову, несомненно, должны были представлять серьёзный интерес для русского правительства и могли даже повлиять на его политику в польском вопросе. В связи с предполагавшимся походом Мазепы в Прибалтику возникал вопрос о тех опасностях, которые могли угрожать Украине во время его отсутствия. В то время как в Москве думали прежде всего о татарской угрозе, Мазепа подчёркивал наличие польской опасности: «А опасности ему — от пограничья есть такие, что гетман корунной, Станислав Яблоновской, разослал универсалы во все места, которые блиско Хвастова, и велел полскому войску быть к воинскому походу наготове. А какое намерение имеет — того неведомо. А Семён Палей пишет, что он хочет в самой день светлого Христова воскресения придти на него, Семёна, чтоб ис Хвастова его выбить. И просит он Семён, у него, гетмана и кавалера, помочи»⁷⁵. Таким образом, по словам Мазепы, в 1701 г., как и в прошлом и позапрошлом годах, существовала опасность открытого выступления поляков против правобережного казачества. События 1699 и 1700 гг. свидетельствовали о том, что выступление против Палея могло легко перерасти в войну против России, так как именно этого добивался Ст. Яблоновский и другие украинские магнаты.

Правда, гетман предупредил Палея, что не окажет ему помощи и предлагал ему укрыться сначала в Запорожье, а потом поступить к Мазепе на службу: «Но, гетман и кавалер, Семёну отказал, что того чинить (оказывать помощь Палею. — В. К.) «вечного миру» договоры возбраняют и помочи б себе никакой не надеялся. А советует ему, естли придёт к тому совершенно, что в Хвастове одержатца ему, Палею, впредь будет невозможно, то б он по прежнему ево гетманскому

⁷⁵ Дела малороссийские. 1701. г. № 20. л. 16.

предложению шёл напред к Запорожью, а из Запорожья мочно ево будет принять ему, гетману, под свой regiment»⁷⁶. Однако перспектива бегства к запорожцам и оставления на произвол судьбы осевшего на правом берегу Днепра украинского населения отнюдь не соответствовала планам Палея. Поэтому в ответ на предложение Мазепы последовал довольно определённый отказ: «И он, Семён сказал,—говорится в разбираемом нами протоколе,—если поляки на него придут, то ещё хочет против их оперетца. И ис Хвастова разве по самой нужде уступит. И в то время во всёмо по ево гетманской воле учинит»⁷⁷. По мнению гетмана, высказанному Борису Михайлову, Палея следовало бы принять под царскую руку.

Но если, согласно сведениям Мазепы, положение на польско-украинской границе вновь грозило серьёзными политическими осложнениями, то сообщённые им известия о Польше имели ещё более важное значение. Приведём целиком это в высшей степени важное место: «Он же, гетман и кавалер, сказывал, что ис Полши от гетмана полного коронного Потоцкого есть на сих днях к нему, гетману, для порубежных ссор присыльщик. И сказывал ему, что на короля конечно ото всей Речи Посполитой начинается быть рокош. И хотят ево совершенно с королевства согнать. На том положено у всей Речи Посполитой неотменно»⁷⁸. Итак, согласно сведениям, полученным Мазепой, положение дел в Польше приобретало теперь настолько острый оборот, что вопрос стоял не только об активном выступлении против короля усиливающейся с каждым днём в Короне оппозиции, но даже о его детронизации. Не забудем, что это апрель 1701 г. и что детронизационные планы принадлежали самим полякам. Поскольку речь шла о сохранении за Августом II польской короны и опасность его полного выхода из войны со шведами приобретала вполне реальные очертания, польский вопрос приобретал в глазах московского правительства особое значение. В такой обстановке должны были происходить в Варшаве переговоры о польско-русском военном союзе против Швеции, на которые уполномочен был Василий Посников.

VII

К сожалению, и на этот раз, инструкция русского правительства В. Посникову осталась нам совершенно неизвестной. Поиски, произведённые нами в фондах бывшего Главного московского архива Министерства иностранных дел, ни к чему не привели. Однако, к счастью, положение наше несколько упрощается в связи с теми результатами, которые удалось добыть из предшествующего исследования предистории русско-польских переговоров в Варшаве. Тот факт, что ещё в декабре 1700 г. вопрос о русских территориальных уступках Речи Посполитой столь серьёзно обсуждался московским правительством, тот факт, что вопрос этот вновь возник во время совещания Головина с польскими дипломатами в Биржах, причём польские требования удалось серьёзно ограничить, наконец, тот факт, что в дальнейшем этот минимум польских претензий был обсуждён с гетманом Мазепой, предложившим значительно сократить его, — всё это даёт нам право предполагать, что в окончательном тексте инструкции В. Посникову пункт о территориальных уступках России в пользу Речи Посполитой в обмен за участие её в войне против шведов был всё же сохранён, хотя бы в таком, как это рекомендовал малороссийский гетман, дополнительно урезанном виде. Из письма Головина Посникову, помеченного 8 (19) мая 1701 г., видно, что Посникову стали известны указания Мазепы и что он мог в Варшаве

⁷⁶ Дела малороссийские. 1701 г. № 20, л. 17.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, л. 30—31.

согласовывать с ними свои переговоры с поляками: «И о делах своих, как тебя бог наставит, изволь промышлять, которое здесь зело нужно, чему ты сам известён. О гетманском совете послал я к тебе подлинные разговоры ево, которые присланы к Москве ещё в апреле. И мочно по тому будет разуметь, что мочно делать с поляки, толко б с немалым к тому подтверждением»⁷⁹.

Отсюда нам станет понятным поведение русского уполномоченного в Варшаве, тем более что Россия на этот раз действительно добивалась польского участия в войне.

Между тем Август II с нетерпением ожидал исхода совещания русского правительства с гетманом Мазепой. Он неоднократно запрашивал по этому поводу Салтыкова, находившегося тогда при польском дворе⁸⁰, и 17 (28) мая последний обратился в Москву за необходимыми инструкциями. Салтыков писал, «что Королевское величество соизволит спрашивать о том часто, что есть ли нам какие указы»⁸¹.

Русским уполномоченным был, однако, назначен В. Посников, принятый вначале королём довольно хорошо. Сам король обещал ему воздействовать в необходимом для успеха его миссии духе на пользующегося большим влиянием в стране примаса⁸². Тем временем, осмотревшись несколько в Польше, посланник всё более и более склонялся к неутешительным для себя и для судьбы своей миссии выводам и относительно истинных намерений короля и его окружения и относительно настроений, господствовавших в верхних слоях польского общества. По его мнению, заверения короля о намерениях выполнить условия биржинского союза с Россией были всего лишь показной демонстрацией, ставившей своей целью успокоить подозрения русского правительства. В действительности саксонская сторона не предпринимала никаких серьёзных приготовлений для борьбы со шведами в Прибалтике⁸³.

Несколько осторожней, но в том же духе высказывался и Салтыков (депеша его от 14 (25) апреля 1701 г.), считавший, правда, что от похода в Прибалтику короля удерживает созываемый польский сейм. Однако и он факт отказа от выполнения условий биржинского съезда подчёркивал довольно определённо. «Здесь, государь,— писал он в Москву,— есть великое непостоянство против статей, каковы доставлены в Биржах»⁸⁴.

Не меньшее недоверие вызывали у Посникова и ближайшие сотрудники короля, стоявшие во главе его внешней политики,— Паткуль и Пшебендовский. Посников даже отказался обсуждать с ними подробности своей инструкции, считая их позиции по отношению к России настолько двусмысленными, что от них можно было ожидать всяких неприятностей, вплоть до отказа русскому уполномоченному в праве изложить русские условия на заседании сейма⁸⁵.

Внутренние события в Речи Посполитой тоже не обещали ничего хорошего. Когда накануне созыва сейма король объявил о предполагаемом союзе с Россией на выгодных для Речи Посполитой условиях⁸⁶, выяснилось, что предложение это вовсе не соответствовало мирным настроениям шляхетского общества⁸⁷ и натолкнулось к тому же на ожесточённое сопротивление со стороны английского, голландского,

⁷⁹ Письма разных лиц на русском языке. 1701 г. № 1, л. 29.

⁸⁰ Дела польские. 1701 г. № 8, лл. 6—11.

⁸¹ Там же. л. 12.

⁸² Там же, № 13, лл. 27—29.

⁸³ Там же. № 15, л. 40.

⁸⁴ Там же, № 8, л. 1.

⁸⁵ Там же, № 15, л. 139.

⁸⁶ Там же, № 14, л. 9.

⁸⁷ Там же, л. 13.

австрийского и французского дипломатических представителей⁸⁸. При таких обстоятельствах в глазах Посникова дело русско-польского трактата было лишено всяких перспектив и не имело никакого смысла заранее открывать свои карты, объявляя предлагаемые московским правительством условия. А вскоре сам собою разрешился вопрос о дальнейшей судьбе так неудачно начавшихся русско-польских союзных переговоров. Сейм, намеченный на лето 1701 г., не состоялся. В связи с этим на некоторое время снимался вопрос о продолжении переговоров о союзе.

Правда, ещё до того, как выяснилось, что сейм будет сорван, Посников попытался добиться аудиенции для переговоров с сеймовыми послами. Попытка эта не встретила, однако, никакой поддержки со стороны королевских министров⁸⁹. Аудиенция не состоялась. В депешах своему правительству Посников объяснял такое поведение министров нежеланием их допустить соглашение о русско-польском союзе⁹⁰.

Одновременно по поручению своего правительства⁹¹ Посников пытался воздействовать на самого короля, подчёркивая в беседе с ним, что дело вовлечения Речи Посполитой в войну со шведами является первоочередной политической задачей⁹². Ещё до Посникова с подобными же представлениями обращался к королю Салтыков, указывавший ему, между прочим, на тот факт, что с русской стороны были уже ассигнованы затребованные Августом II в Биржах денежные суммы на подкуп сенаторов для вовлечения Польши в Северную войну⁹³.

Аудиенция Посникова у короля состоялась 5 (16) июня⁹⁴. В ответ на представления посланника король предложил Посникову подробнее обсудить вопрос о русско-польском соглашении с Паткулем и Пшебендовским, но посол, «ведая их к стране нашей недоброжелательных, не поехал»⁹⁵. Посникову пришлось обратиться к посредничеству влиятельного при польском дворе Халецкого, чтобы с его помощью добиться необходимых успокоительных заверений со стороны короля⁹⁶.

Со своей стороны, Паткуль и Пшебендовский попрежнему добились, чтобы посланник открыл им намерения русского правительства и сообщил о проектируемых им территориальных уступках Речи Посполитой. Посников предпочёл, однако, отделаться общими фразами, ссылками на биржинское свидание и заверениями, что царь действует только под влиянием просьб самого Августа II. На настойчивые требования польско-саксонских дипломатов открыть подлинные намерения царя последовал с его стороны осторожный, но вполне определенный отказ⁹⁷. Вместе с тем, поскольку полная неудача созванного королём сейма была теперь очевидна, а избрания маршалка так и не последовало, Посников отказался вести с поляками переговоры о союзе, дав своё согласие только на общий разговор с сенаторами⁹⁸. Разговор этот состоялся 15 (26) июня, несмотря на попытки королевских министров отложить его до того времени, пока собравшаяся в Варшаву шляхта развеется окончательно по домам⁹⁹.

⁸⁸ Дела польские. 1701 г. № 8, лл. 13, 27, 41.

⁸⁹ Там же, № 14, л. 69.

⁹⁰ Депеша от 1(12) июня. 1701. Там же, л. 72.

⁹¹ Дела польские. 1701 г. № 15, лл. 151, 152.

⁹² Там же, л. 155.

⁹³ Там же, № 8, л. 14.

⁹⁴ Там же, № 15, л. 155.

⁹⁵ Там же, л. 156.

⁹⁶ Там же, л. 157—158.

⁹⁷ Там же, № 14, л. 97.

⁹⁸ Там же, л. 98.

⁹⁹ Там же, № 15, лл. 170—171.

Во время конференции 15 июня Посников обратился к сенаторам с речью, в которой предлагал им вступить в союз с царём и этим добиться возвращения Польше её прежних владений в Прибалтике. При этом он ссылаясь на пример самого короля, уже участвовавшего в войне. Однако о русских условиях союза Посников не сказал ни слова, в то время как именно этот вопрос больше всего интересовал сенаторов. На требования сенаторов объявить царские условия Посников, следуя, очевидно, вручённой ему инструкции, ответил, что условия эти он намерен был в своё время объявить сейму, но поскольку сейм не состоялся, а сенат не имеет полномочий для подписания союзного договора с Россией, русские условия в настоящий момент объявлены быть не могут. По его мнению, сенат должен был ограничиться пока только выражением своего согласия на заключение подобного договора и обратиться к русскому правительству с просьбой прислать уполномоченного для переговоров о союзе посольство на следующий сейм¹⁰⁰. Такое заявление русского представителя не встретило сочувствия среди присутствовавших. Общий смысл их ответа сводился к тому, что сенат не видит никакого смысла нарушать мирные отношения со шведами, что же касается следующего царского посольства, то отправление его зависит от воли царя, он может прислать его на будущий сейм, если захочет¹⁰¹.

Таким образом, дело польско-русского союза не двинулось ни на шаг вперёд. Миссия Посникова в Польшу кончилась полной неудачей.

Вместе с тем, действуя, очевидно, согласно полученным инструкциям, Посников отказался при создавшихся условиях (отсутствии какой-либо гарантии успешного исхода переговоров) от оглашения русских предложений как саксонским, так и польским дипломатам. Поскольку эти предложения касались такого важного вопроса, как территориальные уступки России Речи Посполитой и связанного с ними частичного пересмотра «вечного мира», такой шаг русского правительства и его представителя в Варшаве был безусловно правильным. Огласить русские предложения означало не только преждевременно раскрыть свои карты, но и создать нежелательный прецедент для русско-польских отношений в будущем при возобновлении переговоров о военном союзе против шведов. Такая тактика русской дипломатии была достаточно осторожной и предусмотрительной и вполне отвечала русским интересам. С другой стороны, последовавший летом 1701 г. срыв русско-польских переговоров о союзе повёл к тому, что уже в течение того же года в связи с изменением общеполитической ситуации был снят окончательно с повестки дня вопрос о возможности каких бы то ни было территориальных уступок России в пользу Речи Посполитой. В этом отношении показательны октябрьские и декабрьские инструкции Ф. Головина Долгорукому¹⁰².

В заключение остановимся на нескольких основных выводах, вытекающих из предпринятого нами исследования обстоятельств биржинского съезда и первых польско-русских союзных переговоров.

1. Ещё до биржинского свидания, в декабре 1700 г., под влиянием настоятельных просьб польского короля оказать ему помощь в вовлечении Речи Посполитой в войну, при царском дворе серьёзно обсуждалась возможность территориальных уступок шляхетской республике. Русское правительство имело при этом в виду пустынные земли по течению Днепра и некоторое исправление границ Великого княжества Литовского за счёт русской государственной территории.

2. Во время биржинского свидания в феврале 1701 г., закончившегося подписанием нового союзного договора с Августом II, по ини-

¹⁰⁰ Дела польские. 1701 г. № 15, лл. 179—185.

¹⁰¹ Там же, лл. 185—186.

¹⁰² Письма разных лиц на русском языке. 1701 г. № 1, лл. 95, 110—113.

циативе последнего начались первые переговоры между русскими дипломатами и польскими представителями о союзе. Переговоры эти не привели тогда ни к какому результату. Русской дипломатии удалось, однако, добиться значительного сокращения польских территориальных претензий, так что в конечном счёте они оказались гораздо скромнее, чем тот максимум территориальных уступок, на который было согласно русское правительство в декабре 1700 года. Совершенно отпал вопрос об исправлении границ Великого княжества.

3. С другой стороны, в ходе того же биржинского съезда наметилось новое русско-литовское сближение по инициативе Григория Огинского. Предложения последнего встретили, однако, сдержанное отношение русского правительства. Эту сдержанность по отношению к литовцам разделял и гетман Мазепа, что выяснилось в переговорах его с дьяком Борисом Михайловым в марте—апреле 1701 года.

4. Во время этих переговоров были обсуждены и выдвинутые поляками в Биржах территориальные претензии к России, которые гетман Мазепа предложил сократить ещё больше.

5. Удовлетворение этих претензий, хотя бы в таком дополнительно урезанном Мазепой размере, должно было фигурировать в новой инструкции Посникову, тем более, что русское правительство, очевидно, прекрасно учитывая создавшуюся в Польше сложную обстановку, непрочность польских позиций своего саксонского союзника и свою собственную политическую изоляцию в Европе, действительно стремилось к заключению союзного соглашения с Речью Посполитой.

6. Однако усилия Посникова, которому были поручены переговоры о союзе, не встретили поддержки ни со стороны саксонских, ни со стороны польских дипломатов, а срыв сейма ликвидировал всякие перспективы на удачный исход русско-польских переговоров.

7. При таких условиях оглашение русских предложений Речи Посполитой теряло для русского правительства какой бы то ни было политический смысл, но зато могло бы создать неприятный прецедент для будущих русско-польских отношений. В связи с этим Посников отказался от объявления своей инструкции.

8. Неудача летних переговоров 1701 г. о союзе с поляками повела в дальнейшем к тому, что вопрос о русских территориальных уступках Речи Посполитой исчез окончательно с повестки дня русской внешней политики.

9. Неудача эта показала, с другой стороны, что король польский не намерен выполнять условий своего нового союза с Россией, а польские магнаты выступают противниками войны со Швецией.

Разумеется, полному разъяснению причин, побудивших короля и польских магнатов занять такую отрицательную позицию по отношению к проекту русско-польского союза, должно быть посвящено особое исследование. Здесь укажем только, что отказ Августа II поддержать усилия Посникова связан с обострением положения в Польше, с резкими выступлениями против Августа антисаксонской оппозиции, а также с появлением угрозы шведского вторжения на территорию Саксонии. При таких условиях король предпочёл уклониться от решительных военных действий в Прибалтике, отказался двинуть вперёд дело русско-польских переговоров, открывая себе таким образом путь для мирного разрешения своего конфликта со шведами.

Однако тот факт, что летом 1701 г. не удалось добиться вступления в войну Речи Посполитой, не только ухудшил военно-политическое положение России, но и губительным образом отразился впоследствии на судьбе самой Речи Посполитой, на исходе 1701 г. подвергшейся опустошительному шведскому вторжению.